

Лайван увидел это и немного успокоился. Ему и так было достаточно досадно брать с собой этого бездельника, а если бы он оказался ещё и болезненным, он бы точно не согласился.

— Ну тогда пошли, — Лайван пересчитал людей и приказал трогаться в путь.

Их местность была довольно глухой, чтобы попасть в уездный город, нужно было пройти больше сорока ли, да и дорога всё время извивалась среди гор. Но даже эти горные дороги были достаточно широкими для проезда телеги, а на поворотах становились ещё просторнее.

Всю жизнь Чжан Шу не имел ни одной лошади, правда, его невестка в прошлой жизни привезла несколько штук и держала их в своём большом дворе, это выглядело очень внушительно.

Неудивительно, что Чжан Шу всё время вспоминал ту свою невестку. В основном потому, что после их раздела почти вся деревня наблюдала, как они из бедняков превратились в богачей и стали известными даже в уезде. Это называлось завистью, люди иногда даже специально подражали её поведению!

Чжан Шу шёл, неся корзину за спиной, и молчал. Он тоже хотел с ними поговорить, но эти мужчины не очень любили его. Компания весело болтала впереди, бросив его одного.

Теперь, вспоминая прошлое, кроме Сяо Муцзинь, у него вообще не было сверстников. Жаль, что Сяо Муцзинь был гэром, его увлечения всё же немного отличались от мужских, а позже Сяо Муцзинь тоже не стало...

— Давайте здесь немного отдохнём! — Каждые десять ли на обочине строили беседку, сейчас они дошли до беседки двух ли.

Солнце уже почти взшло на зенит, только на этой горной дороге с одной стороны шла гора, с другой текла вода, стоять здесь было особенно прохладно, так что даже пройдя двадцать ли подряд, особой жары не чувствовалось.

Мужчины нашли местечки и сели, Чжан Шу посмотрел немного, нашёл камень снаружи беседки и сел, молча достав из корзины сухари и начал жевать.

Это были лепёшки, которые бабушка ему дала с собой. Тесто замешивали долго, оно было очень крутым и очень сытным. Он съел одну, остальные засунул обратно, чтобы поест, когда снова проголодаюсь, потом достал бамбуковую трубочку и под скалой набрал в неё воды из маленького родничка.

Родниковая вода была сладкой, с холодком, глоток бил прямо в макушку, чувствуешь, будто всего тебя окатили водой, в разгар лета это очень приятно.

— Эй, Лайван, зачем ты этого парня притащил?

— Ничего не поделаешь, его бабушка к моей маме приходила просить, прямо заставила меня его взять, — выражение лица Лайвана было немного подавленным, стоило ему вспомнить этот случай, как ему становилось не по себе. — Но если он в этот раз начнёт чего-то там не любить, то точно больше ни разу!

Поев и попив воды, все снова тронулись в путь. На этот раз шаг был чуть медленнее, чем в начале, когда они дошли до уезда, уже был полдень.

У ворот уезда было довольно шумно, много крестьян, пришедших на утренний базар, спешили обратно домой, есть в городе было дорого. Внутри города было немного тише, люди тоже разошлись по домам готовить еду, только в нескольких маленьких винных лавках официанты неустанно кричали, надеясь привлечь внимание гостей.

Но в такую жару, стоило ступить на каменную плиту, ногу чуть не обжигало, кто же захотел бы заходить есть горячую еду?

Чжан Шу шёл и смотрел по сторонам, сказать честно, в прошлой жизни он толком никогда не гулял по улицам. Покупки — это женское дело, он тоже никогда не работал подёнщиком, в уезд ездил считанные разы, поэтому для него всё было в новинку.

К счастью, сейчас он был молодым парнем, любопытство простительно, если бы это был старик, который везде смотрит, люди бы просто подумали, что он никогда не видел мира.

Лайван вёл их без остановок, шли через улицы и переулки довольно долго, пришли к реке, эта река была шириной два-три чжана, звалась Река Цинлян. Вода в реке была чистой, день и ночь текла вниз по течению.

Если на праздник Дуанью устраивать гонки на драконьих лодках, то обычно это делали за городом на той большой реке, а вот на праздник Циси запускали цветные фонари именно в этой реке.

Через реку был переброшен мост, сложенный из каменных плит, говорят, ему уже больше двухсот лет, люди по нему ходили одна смена за другой, а он всё так же стоял, свидетельствуя о ветрах и дождях, пережитых уездом за эти годы.

По берегу реки посадили несколько деревьев, крестьяне по двое-трое сидели под деревьями и задремали, это было место, закреплённое за их деревней, подёнщики из других деревень обычно здесь не сидели.

Чжан Шу думал, что это довольно забавно, он раньше думал, что подёнщики должны как бродячие торговцы ходить повсюду, смотреть, кому нужен человек, и заходить. Кто знал, что это так удобно.

Он увидел, что под этими деревьями уже все заняты, ему тоже неудобно было лезть, поэтому он сел под самым последним деревом. Это должно было быть камфорное дерево, крона была довольно большой, полностью укрывая этот уголок, где сидел Чжан Шу.

Камфорное дерево, Чжан Шу! Он когда-то ворчал на деда, зачем ему дали такое имя, а дед говорил, что те все деревья, он старший в семье, должен за всеми следить, например, второй брат Чжан Хуай — это софора, третий брат Чжан Ян — это тополь, единственная сестра — Чжан Жун, гибискус, он же тоже растёт на дереве?

Услышав это, ему на душе стало легче, дед ещё говорил, что мужчина-герой должен быть как эти деревья, стоять между небом и землёй, укрывая близких от ветра и дождя, жаль только, что в прошлой жизни он был кривым деревом, не то что других защитить от ветра и дождя, даже сам себя не смог уберечь.

Он лёг под деревом, достал узелок из корзины, подложил под голову и незаметно уснул.

Чжан Шу был парнем неплохой внешности, высокий, лицом нельзя назвать красивым, но правильным, квадратным, с него так и веяло мужеством. Если бы не его робкий характер и

привычка вечно сутулиться, из-за которой он казался ниже ростом, деревенские девушки и гэры могли бы и не отказать ему.

После возрождения Чжан Шу сознательно менял привычку горбиться, когда разговаривал с людьми, взгляд больше не бегал, не опускал голову по пустякам, как будто стесняясь, деревенские не могли объяснить его перемены, но все чувствовали, что смотреть на него стало приятнее.

Иначе на этом пути мужчины бы точно его задавили насмешками.

Чжан Шу увидел сон, во сне он плыл куда-то, не зная, что делает, просто летел по небу. Вдруг кто-то пнул его ногой, сбил с неба, он резко проснулся и понял, что его действительно кто-то лёгонько пинает ногой.

Это был мужчина средних лет, одетый в новый вышитый шёлковый халат, на руке был перстень, под носом — два уса, выглядел очень умным.

Он смотрел на Чжан Шу взглядом, которым оценивают товар, оставалось только схватить его и разжать челюсти, чтобы проверить зубы. Чжан Шу немного опешил, этот человек ему был незнаком. Поэтому он глупо сидел на земле и смотрел в ответ.

Этот взгляд немного улучшил впечатление Мо Жэня о нём, эти деревенские парни, когда смотрят на людей, всегда робкие и жеманные, а этот был довольно открытым, смотреть на него не было противно.

— Вот этого беру, Лайван, плюс тебя и тех нескольких, — открыл рот Мо Жэнь, а его слуга за ним указывал Лайвану на выбранных людей.

— Господин управляющий Мо, есть! — Лайван очень обрадовался, обычно на работу у такого управляющего они и рассчитывать не могли, возможно, потому что сегодня сильные мужики из деревни Сичан не пришли.

— На этот раз хозяин хочет починить сад, вы будете носить землю и класть стены, по тридцать пять вэнов в день на человека, три раза кормят, как насчёт этого?

Лайван естественно не возражал, эта семья Мо была щедрой, в других домах, если с питанием, давали двадцать пять вэнов в день, если без питания — тридцать, не зря люди говорили, что в богатых домах деньги под ногами валяются!

Чжан Шу был безразличен, он плохо знал цены, но помнил, когда его старший сын строил дом, платил деревенским пятьдесят вэнов в день, ещё три раза кормил, в каждый приём были большие куски мяса.

Он сам пошёл помогать, но после двух-трёх дней работы та баба вдруг пришла и сказала, что они ему денег не давали, использует родного отца как скотину. Потом получила у них сто пятьдесят монет, и ему стало неловко снова идти.

В этот раз в город на работу поехали всего девять человек, кроме семерых, которых забрали, остались двое. Одним из них как раз родной старший брат того Эргоу — Дагоу.